

Февральская революция: трагедия самодержавия и гибель Российской империи

21 февраля 2017 года в Белом зале Союза журналистов Москвы состоялось двадцать четвертое заседание Исторического клуба «Моё Отечество».

Обсуждена тема:

**«100-летие Февральской революции:
причины, цели и итоги»**

Вел заседание секретарь Союза журналистов Москвы, заместитель председателя Исторического клуба, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, действительный член (академик) Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры **Виктор Иванович Черемухин**. Открывая заседание, он отметил, что тема сверхактуальна и находится в эпицентре внимания политиков, историков, СМИ. «Несмотря на то, что прошло 100 лет, острые и противоречивые дискуссии по тому, что произошло в феврале 1917 года: революция или дворцовый переворот, приведшие к гибели Российской империи, до сих пор не утихают», – сказал

В.И.Черемухин и предоставил слово первому докладчику.

Доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории государства и права
юридического факультета
Московского государственного
университета им.
М.В.Ломоносова **Владимир
Алексеевич Томсинов** предложил
участникам заседания взглянуть

на события февраля 1917 года с точки зрения не историка, а юриста. Так как именно такой подход, по его мнению, помогает точнее понять смысл революции. С юридической точки зрения это тяжкое преступление, направленное на разрушение государства. «У меня нет сомнения, что целью этой акции под названием Февральская революция было именно разрушение традиционного русского государства. Юридический взгляд помогает понять и Октябрьскую революцию. «Вот представьте себе, что в дом к добропорядочному гражданину врывается группа бандитов и требует отдать шубу под угрозой расправы с его женой и детьми. Хозяин отдает эту шубу. А главарь шайки щеголяет в ней до следующей зимы. Но на него набрасывается другая банда и главарь сбрасывает шубу и убегает. А тот, кто его напугал, надевает шубу и носит ее 70 с лишним лет, – образно обрисовал ситуацию докладчик. – Очевидно, что и те, и другие преступники. Кстати, Николай II, когда ему сообщили о составе Временного правительства, проговорился: «Это же уголовники».

В.А. Томсинов также отметил, что о Февральской революции написано множество книг и статей и очень много сказано о причинах этого явления. Но при этом слово «революция», по мнению докладчика, не определяет его сущность. «Я изучал революции в разных странах и у меня сложилось впечатление, что все они устроены как будто одним и тем же режиссером. Английская, Французская, Русская революции. Движущие силы – парламент, генеральные штабы, Государственная Дума. Даже

императоры одинаковы по характеру и одинаково себя ведут. Между ними много общего. А результатами революций пользовались совсем не те, кто их начинал. Революция – это, прежде всего, неповиновение существующей власти. А в чем же причины массового неповиновения? Почему сановники, высшие государственные чиновники не повиновались своему государю? В ответах на эти вопросы во многом разгадка революции. У нас привыкли говорить общими словами – разложение правящего сословия. А в чем проявлялось это разложение? Оно проявлялось в разрушение государственного сознания в умах. Николай II с императрицей были ошеломлены презрительным отношением простых людей и не поняли, что произошло. Ведь русский народ всегда уважал институт власти. И в этом был залог прочности государства», – подчеркнул В.А.Томсинов,

По его мнению, юридический подход также позволяет разобраться в массе мемуаров, фактов, информации вокруг Февральской революции. «Шайка уголовников, захватившая власть и создавшая Временное правительство, не собиралась возрождать страну, укреплять ее. Их действия были направлены на разрушение и государства, и всего общества. А почему монархия рухнула так быстро? Потому, что самодержавие в России было очень хрупкой и сложной конструкцией, которая состояла не только из одной персоны. Монархия – это еще и институт. При этом, как говорил Иван Александрович Ильин, Романовы не боролись за престол и предали монархию», – пояснил докладчик.

Он также отметил, что отречение, которое подписал Николай, не было предусмотрено в существовавшей юридической конструкции самодержавной власти в России. В 37 статье Основного закона было написано только о возможности отречения от права наследования престола. Например, Михаил Александрович отрекся от права наследования. И одновременно, как подчеркнул В.А.Томсинов, совершил тяжкое государственное преступление. Он заявил, что воспримет престол в том случае, если Учредительное собрание примет решение об установлении монархии. То есть в данном случае нарушил клятву.

В то же время отречься от престола было нельзя. Потому что вступающий на престол человек одновременно проходил обряд миропомазания Божия. То есть в юридическую конструкцию самодержавия был вкраплен религиозный элемент. Самодержец был не только главой государства, но и священным чином. Царствование было еще и религиозной обязанностью. И Николай II нарушил эту обязанность. Он не имел права отречься.

С другой стороны заговор, направленный на отстранения Николая от власти, намечался очень давно. Например, Милюков в своих воспоминаниях писал, что он планировался в начале 1915 года. А настоящий трагизм ситуации заключался в подлости генералитета.

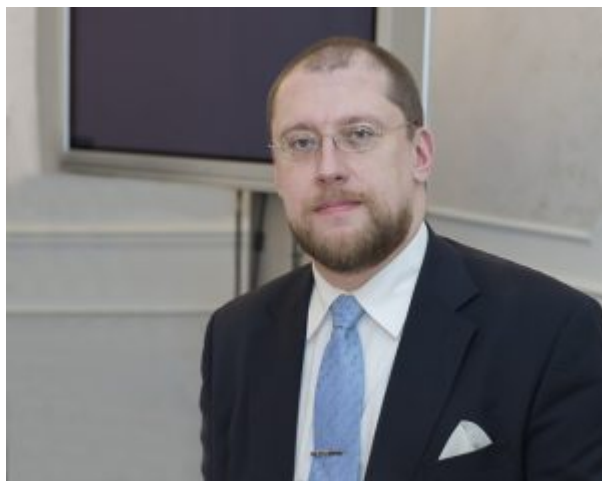
В то же время царь, понимая, что его свергли с престола, стремился обеспечить легитимный переход власти. А отречение в пользу брата он подписал потому, чтобы спасти своего сына, который был нужен всей этой своре преступников.

Таким образом, главной целью Февральской революции было отстранение царя от престола. Но во время войны это сделать было очень трудно. «Очевидно, что царя можно было заставить отречься не уговорами, а только катастрофическими событиями, которые надо было создать. Надо было создать народные волнения и изобразить их революцией. Этот спектакль управлялся одной и той же силой. Один акт совершился в Петрограде, другой – в ставке и в царском поезде. И операция была осуществлена блестяще», – сказал докладчик.

При этом все было подготовлено еще к 14 февраля. Накануне должны были произойти увольнения с путиловских заводов, планировались ограничения поставок хлеба и приезд в Петроград толп молодежи из Москвы и других городов. Но в последний момент поступает приказ прекратить подготовку к волнениям. Потому что царь был еще в Петрограде. И его надо выманить. Потому что главная акция – отречение – должна была произойти либо в ставке, либо в царском поезде. А в Питере – это просто массовка под названием восстание.

«Ехать царю в ставку 22 февраля не было никакой необходимости. Николай сомневался. К тому же заболели дети. Но его выманил генерал Алексеев. А окончательно уговорил брат Михаил Александрович, который был вместе с заговорщиками. И вот царь едет в ставку, встречает там Алексеева, у которого температура под 40. На улицах Петрограда пока все было спокойно. Но в массовке уже орудовали боевики и агитаторы. И 27 февраля все рвануло. На улицы вышли запасные полки и стали убивать полицейских и пошли к Думе. И Дума их поддержала. Но самое большое предательство совершили генералы. Николая Алексеев намеревался задержать в ставке. Но царь все-таки уехал. И тогда был разработан другой план. Чтобы не пустить царский поезд в Царское село, надо было захватить министерство путей сообщений и отправить поезд в Псков, где были главные заговорщики. Николай фактически был арестован. И вынужден был подписать акт отречения. Но царь был соучастником преступления. Он пожертвовал не только собой и семьей, но и Россией», – резюмировал **В.А.Томсинов**.

Кандидат исторических наук, директор Канцелярии Главы Российского Императорского Дома, действительный член Российского дворянского собрания, член Союза писателей России **Александр Николаевич Закатов** выступая со вторым докладом, сразу заявил, что подошел анализу событий с философской точки зрения и подчеркнул, что «революцию как исторический процесс нельзя назвать преступлением».

«Нарушение законности в ходе революционного процесса, конечно, происходит. Но, рассматривая суть монархии и отречения, надо понимать, что не существует абстрактной монархии, отдельной от личности. В основе монархического строя лежит принцип государства-семьи. А монарх воспринимается как отец нации.

Пока существовал государь, существовала и монархия. Но этот менталитет был разрушен. Присягали не просто императору, а конкретному царю и всей династии», – отметил А.Н.Закатов.

Он также заявил, что тезис о том, что император якобы не имел права отречься, очень спорный. «Отречение Николая II не противоречило действующим законам. А миропомазание не прибавляет легитимности. Оно очень часто осуществляется через несколько лет после воцарения. Николай II короновался через два года. Власть императора наступает в силу в момент смерти предшественника. А коронация – это благословение церкви и получение дополнительных прав. После миропомазания царь имеет право входить через царские врата в алтарь и причащаться как священник, – пояснил докладчик. – Действительно самодержавие – это суверенная независимая власть, но она имеет и внутренние ограничения. Это не только власть одного лица. Я, соглашусь, эта система учреждений. Но она совсем не такая хрупкая. Она существовала тысячу с лишним лет. Погибали отдельные представители, убивали монархов, были смуты и восстания, дворцовые заговоры. Но монархия стояла прочно. Пока в сознании людей господствовала система традиционных ценностей. А то, что Михаил Александрович был причастен к заговору, это вообще конспирологическая версия и она ни на чем не основана. Это такая же фантазия как фантазия об отсутствии отречения Николая II. Конечно, он, строго говоря, не мог отречься от наследника. Но и этот вопрос спорный. Отец не хотел отдавать больного мальчика в руки заговорщиков. Он все взвесил и решил передать трон следующему в порядке престолонаследия. И Николая II очень сложно осуждать за это» – считает А.Н. Закатов.

Он также полагает, что революция не может быть оценена только с правовой точки зрения, поскольку это исторический процесс. А заговор не сработал бы, если бы не лег на благоприятную почву.

«Революция на самом деле это поворот назад. А синоним этого слова в греческом языке – катастрофа. Когда мы говорим о революции, мы должны понимать, каких бы мы ни были убеждений (правые, левые монархисты или республиканцы), что это

катастрофа и беда. Что стало главной причиной? Кто-то говорит, что Россия прекрасно развивалась, что население при Николае II увеличилось в полтора раза, что по темпам роста мы вышли на первое место, а рабочее законодательство у нас было одно из самых прогрессивных в мире.

Но в то же время было огромное количество глубоких политических, экономических, социальных проблем. И может быть Николай не мог их решить с его консервативным мышлением, с его византийской медлительностью. Он не совсем соответствовал историческому моменту. Но эти вопросы можно было решить эволюционным путем. Если бы не было колоссального кризиса всех традиционных ценностей. Прежде всего, в сознании элиты. Ленин, кстати, очень хорошо написал в статье «Памяти Герцена» как началось революционное движение. Сначала оно зародилось в дворянской среде, потом разрослось в среде разночинства, а потом охватило и народ. Нетерпение, радикализм, желание все сломать – этот настрой распространился очень широко. И монархия пала. Но она пала не в одночасье. Этому способствовал прежде всего духовный кризис общества», – подчеркнул он.

А.Н. Закатов также заявил, что не было двух революций. Это была одна революция, состоявшая из двух стадий. А глава дома Романовых великая княгиня Мария Владимировна склонна рассматривать революцию не как преступление, а как болезнь. «Все мы знаем, как протекает страшное заболевание – онкология. У нее есть первая стадия, которая трудно распознаваема и может длиться очень долго. Вторая стадия очень серьезна, но человека еще можно спасти. При третьей стадии шансы на выздоровление тоже есть. А при четвертой их уже нет. Аналогичные стадии происходят и в процессе революции. И доля вины есть у всех участников этой болезни. И у врачей, и у больных. Великая княгиня призывает, чтобы эти события отмечались не празднованиями и взаимными проклятиями и оскорблениями, а научной дискуссией. Очень важно устроить совместные поминальные мероприятия по всем жертвам революции и гражданской войны. И по красным, и по белым. Большевиком с его

агрессивным богоборчеством, террористическими методами, отрицанием частной собственности, тоталитарными методами правления был дальше от ценностей Императорского дома. Но Императорский дом никогда не отождествлял себя и с белыми. С его точки зрения это две формы одной болезни. Белое движение тоже было революционным. И если бы победили белые, то история России, на мой взгляд, все равно была бы трагичной», – уверен **А.Н. Закатов**. Они бы тоже устроили террор и страшное кровопролитие. Идеализировать белое движение нельзя. Дом Романовых признал свою долю вины за революцию, признал, что часть политики до 1917 года была неправильной. Но эта вина общая. Императорского дома, и дворянства, и церкви. Но и народ оказался в помрачении».

Доклады **В.А. Томсинова** и **А.Н.Закатова**, в которых были представлены разные точки зрения на события февраля 1917 года, вызвали большой интерес у участников заседания и они задали докладчикам вопросы.

Доктор исторических наук, академик Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры **Геннадий Васильевич Саенко**, обращаясь к **В.А. Томсинову**, сказал, что обвинять народ во всех удачах и неудачах, о чем говорили докладчики, я считаю, не достойно. Какая сила стояла за действиями всех этих заговорщиков?

В.А.Томсинов: Конечно, не англичане сыграли главную роль. Причины этой катастрофы коренятся в самом нашем обществе. Я вижу здесь совместную деятельность очень многих людей, принадлежащих к разным группировкам. Ведь надо было задержать войска, чтоб они не шли в Петроград, надо было провести операцию с царем, надо было поработать с Думой, с запасными полками. Думаю, масонство не играло большой роли в

этой катастрофе. Но оно соединило разных людей в сплоченную группировку.

Второй вопрос **Г.В. Саенко** адресовал **А.Н. Закатову**. Он обратил внимание докладчика на тот факт, что российским самодержавием более 100 с лишним лет управляла германская монархия. И Россия мучилась с представителями иной культуры.

А, Н. Закатов: В вашем вопросе содержится внутреннее противоречие и незнание истории. С таким же успехом можно говорить, что в Германии правила русская династия. Междинастические браки заключались по всей Европе, вся кровь правящего класса была помешала. Русские великие княжны выходили замуж за немецких принцев, немецкие принцессы приезжали в Россию. Почему вы занимаете ущербную позицию: если у нас появилась в династии немецкая кровь, то это плохо, значит нас поработили. А то, что русская кровь попала в германские династии, это значит, что мы поработили их? Междинастические браки совершались еще в раннем Средневековье, как минимум, а то и со времен Древнего мира. Все династии были, так скажем, интернациональны. У нас это происходило со времен Рюриковичей. Вся история монархий – постоянные междинастические браки. Во время монгольского ига браки с европейцами стали реже, участились браки с монгольскими, тюркскими знатными родами и династиями. А если следовать вашему подходу, то нам надо перечеркнуть всю тысячелетнюю историю со времен Рюриковичей. Нами всегда управляли иностранцы. И это было во всех странах. «Немецкие» цари не угнетали русский народ. И их национальность не была причиной революции.

Политолог, кандидат исторических наук, заместитель председателя Исторического клуба, член Союза журналистов Москвы **Сергей Викторович Солодовник**: Оба докладчика сделали акцент на глубокий духовный кризис. Зачем нужно было всем этим генералам, царедворцам делать то, что они

устроили? Вопрос в следующем: считаете ли вы, что этот духовный кризис возник на внутренней почве? И если да, то в чем были его побудительные мотивы?

В.А. Томсинов: Углублению кризиса прежде всего способствовала пресса. Возьмите кадетское издание. То, что они писали об императоре, ни в какие рамки не влезает. Была, видимо, специальная пропагандистская организация. В армии распространяли листовки с осени 1914 года. Очевидно, что духовный кризис был не спонтанным и не стихийным. По экономическому и политическому состоянию Россия была благополучнее всех воюющих держав. Но нигде на разрушение государства так не действовали СМИ, и нигде верховная власть не предпринимала никаких мер против этого. Если бы, например, Милюков с его речью «Глупость или измена» попробовал выступить в Германии, то уже на следующей день он был бы в тюрьме. Это очевидно. Удивляет и духовная власть тем, что она никак не боролась с антигосударственной пропагандой.

А.Н. Закатов: Я думаю, что роль прессы была велика, но 90% населения прессу не читали. В войсках распространяли листовки, но газеты они тоже практически не читали. Если только офицеры. Конечно, духовный кризис имеет много корней, которые уходят чуть ли не в XVII век, в раскол русской церкви. Я полагаю, что главный перекосяк в сознании накопление отрицательного баланса в народном сознании произошел тогда, когда дворянство избавилось от своих обязанностей и набрало слишком много привилегий. Указ о вольности дворянства, подготовленный Петром III и изданный

Екатериной Великой, был бы хорошим актом, если б после него последовали и акты в отношении крестьянства и других сословий. Это был именно тот момент, когда народ испытал чувство несправедливости. Потом попытались исправить ситуацию, дворянские привилегии отмирали. После отмены крепостного права крестьяне могли спокойно пойти на службу, помещичьи землевладения уменьшались. Но осадок остался и он продолжал развиваться.

Координатор Экспертного совета парламентского клуба «Российский парламентарий» **Виталий Евгеньевич Журавлев**: У меня вопрос методологического плана. С точки зрения определения революции, у одного докладчика это было преступление, у другого – болезнь. Услышал вашу аргументацию, что революция это обратный процесс от эволюции. То есть эволюция – постепенный процесс, революция – обвал и разрушение. Но вся история человечества – это смена империй, возникновения одних и разрушения других. Процесс изменений идет постоянно. А как вы считаете, революции, Февральская или Октябрьская, были неизбежной вещью или результат отдельных личных ошибок?

А.Н.Закатов: Я уже сказал, что считаю это закономерным процессом. Император и его защитники потерпели поражение в конкретный исторический момент. Но поскольку история развивается циклично, то возвращение монархических ценностей вполне реально, они не убиты. В тот момент революция была закономерна, потому император и отрекся. На мой взгляд, он проявил малодушие. Но он понимал, что пришло время «разбрасывать камни».

В.А.Томсинов: Я о революциях много писал. Этот термин пришел из астрономии и означает – возвращение небесных тел на прежнюю орбиту. Революция в Англии была на самом деле возвращением Карла II в Лондон. Революция не является неизбежностью. В той же Англии в течение XVI века установилось представление о государстве как о публично-правовой корпорации. Утвердилось представление, что монархия – это не только монарх, но и политическое тело. В судебной практике возникла доктрина двух

тел короля. Это была самая настоящая революция. Вместо Королевского совета – Тайный совет. В России такая же институционализация происходила сама собой. И революции вообще не требовалось. Я думаю, не было бы Первой мировой войны и не было бы революции. А что касается предпосылок революции, то запал для взрыва существует в любом обществе и всегда есть какая-то группа людей, которая настроена анти-государственно. Для них достаточно создать взрывную массу, условия, вывести других людей на улицы, и они станут активной силой в толпе. Так было в России. Если бы не вывели на улицы запасные полки, ничего бы не было.

Историк, писатель, доктор химических наук, профессор, академик Академии прогнозирования, член Союза журналистов Москвы

Ярослав Аркадьевич Кеслер: А между 1910 и 1913 годом хоть кто-нибудь в России думал, что может произойти переворот?

В.А.Томсинов: В дневниках Александра Блока от 1913 года написано: у нас все неблагополучно. Если читать дневники и мемуары наших интеллектуалов, то можно обнаружить интересную вещь. Нет ни одной эпохи в России, во время которой все было хорошо. Всегда какой-то жуткий кризис. Люди, занимавшие высшие должности в государстве, это государство клянут. И это происходит на протяжении всей нашей истории, вплоть до большевиков. Только при большевиках стали писать хорошо.

Научный сотрудник социологического факультета МГУ, генеральный директор Парламентского клуба «Российский парламентарий» член Союза журналистов России, член Союза журналистов Москвы **Игорь Владимирович Кирпичев:** Поведение Госдумы в февральских событиях – это глас народа или провокация?

В.А. Томсинов: Солдаты шли к Думе за защитой. Очевидно, что

она придала легитимность их преступлениям. Началось все как преступление, а потом действиям монарха и Госдумы был предан характер революции.

Свой взгляд на Февральскую революцию представили на заседании три содокладчика: **А.Я. Дегтярёв, П.А.Федосов и Д.В.Калужный.**

Писатель, доктор исторических наук, вице-президент Академии Российской словесности, советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации **Александр Якимович Дегтярёв** отметил, что букет разноцветных мнений о Февральской революции становится

все пышнее и эта пестрая расцветка говорит о том, что общего консолидированного мнения нет. А 100 лет – недостаточный срок, чтобы судить об этом событии. «Тем не менее, какие-то выводы мы можем сделать. Вкратце основные события февраля. 26 февраля – правительство, собравшись дома у князя Галицына, издает указ о роспуске Думы и Госсовета. Было объявлено о введении осадного положения в Петрограде. Спустя сутки, 27 февраля правительство Галицына объявило о своем самороспуске. Спустя еще сутки, ранним утром 28 февраля Николай уехал из ставки, несмотря на уговоры генерала Алексеева, который на колени перед ним встал, умоляя не уезжать. 40 часов, почти 2-е суток о путешествии главы государства ничего не было известно. Армия и страна были лишены высшего руководства в разгар войны и нараставшего внутреннего потрясения. Руководящее ядро государства было раздроблено. Целиком картину не представлял ни император, ни ставка, ни либеральная клика, которая засела в Петрограде», – полагает А.Я. Дегтярев.

Он также отметил, что порядок престолонаследия, который установил Павел, не предусматривал отречение царствующего государя и возможность отречения за несовершеннолетнего

наследника и передачи короны Михаилу, без его согласия. «Все это было нарушено Николаем. И империя рассыпалась за три дня. Могло ли быть иначе? Конечно, могло. Было ли это закономерно? Линии жизни не у отдельного человека, не у государства не существует. Есть бесконечное число точек бифуркации. И они сливаются в линию. Можно предположить, что генералы согласились на отречение Николая, при условии, что будет Алексей, они этого ждали. Они рассчитывали, что приход царя-отрока резко изменит обстановку, удесятерит силы армии, а запасные полки порвут противника во время весеннего наступления. Поэтому понятно то изумление, с каким было встречено в ставке известие о том, что император передает престол Михаилу. В ставке это вызвало шок. В тот момент они поняли, что пропали. Николай, по справедливому мнению Солженицына, поправил монаршие правила, которые при этом всю жизнь считал незыблемыми», – подчеркнул А.Я. Дегтерёв.

А результат, который получила Россия, блестяще описал лауреат Нобелевской премии Уинстон Черчилль. Он говорил, что к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань уже была видна. Она уже пережила бурю, когда все обрушилось на нее. Все жертвы были принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была выполнена. Долгие отступления закончились; снарядный голод побежден; вооружение шло широким потоком. Тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией, а Колчак – фронтом. Кроме того, никаких особенно трудных действий больше не надо было предпринимать. «В этот момент все и обломилось. Но обломилось, видимо, после какого-то процесса. Я думаю, что центральной точкой этого процесса было вступление в войну. У России и Германии не было реальных противоречий. С лозунгами, с которыми Россия вступала в войну, звучали так «спасем братьев сербов», «спасем Францию от Тевтонского меча». И за это мы положили 9-10 миллионов убитых. Через 82 года после гибели России виновник всего этого был причислен к Лику святых. И для контраста – в этом году исполняется 512 лет со смерти Ивана Третьего Великого,

создателя великого централизованного русского государства, из которого выросла Российская империя. Он к Лику святых не причислен. И как решила в 2013 году комиссия РПЦ по канонизации – причисление его невозможно. И в гражданском мире почести ему воздали явно не по заслугам. Он присутствует только в числе 128 фигур на памятнике 1000-летия России», – заключил **А.Я.Дегтярёв**.

Следующий содоклад представил политолог, кандидат исторических наук, генеральный директор Бюро политического анализа **Петр Анатольевич Федосов**: По поводу Февральской революции, да и Октябрьской тоже, существует огромное количество теорий. Я считаю, что было бы эффективно

использовать сочетание всех этих подходов. Теперь по существу. Первое. А кто составлял те толпы, которые с 23 по 26-27 февраля занимали улицы Петербурга? Это были бывшие крестьяне, что важно. Но еще более важно то, что это были солдаты, ожидавшие отправки на фронт. И они выбирали – поучаствовать в буче в Петрограде или идти завтра на смерть. Они не хотели идти на смерть. Тут мотивация особая. 28 февраля во время заседания Совета перед Таврическим дворцом вдруг послышалась стрельба. Люди, которые наполняли залы (а это были в основном солдаты) кинулись к выходу, потому что они подумали, что это пришла карательная офицерская часть, чтобы их разогнать, схватить, а кого-то отдать под трибунал. Но произошло отречение монарха и они поняли, что в своем праве они правы. Почему-то не прозвучало слово Петросовет. Это очень существенно. Говорить, что власть пришла к Временному правительству в марте 1917 года неправильно. Возникло двоевластие, а это на самом деле безвластие. Это состояние сохранялось длительное время. Потом на короткий промежуток власть консолидировалась. «Шуба» валялась в грязи, они ее подняли и потом уже поняли, что с ней делать. Теперь об

исторических корнях. В 1861 году начался цикл событий, относящихся к обсуждаемому периоду. В 1861 году, когда происходили важнейшие реформы в России, были приняты решения, которые в значительной степени создали предпосылку кризиса, о котором мы говорим сегодня. Для крестьянства эти реформы ничего как кроме личной свободы не дали, хотя это тоже немало. Но земельный вопрос так и не был решен. В то же время помещное дворянство, на которое монархия опиралась на протяжении двух веков, столкнулось с бюрократическим дворянством. Реформа 1861 года стала смертным приговором для помещного дворянства. Пошел процесс его обеднения. До реформы у него было 121 миллион десятин земли, после реформы – 87, в 1877 году – 73, в 1915 году – только 39 миллионов десятин. Причем дворяне владели землей в разной пропорции. Поместное дворянство растворилось в классе образованщины и интеллигенции, которые породили этих активистов. Как же так никто не поддержал государя? Мне кажется, что некоторые корни исходят из этих событий. У той же самой реформы в том виде, в котором она была осуществлена, есть еще одна история. Это история русского терроризма. Кто был первый покушавшийся на Александра II? Каракозов, дворянин. Затем Соколов, тоже дворянин. В конце – концов царя убил дворянин. Поэтому реформы на самом деле могут быть причиной больших событий.

С третьим содокладом выступил доктор философии, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, член Международного сообщества писательских союзов **Дмитрий Витальевич Калужный**: В нынешних условиях опыт 1917 года бесценен. События того

переломного года хорошо описаны, они известны – но их надо не только знать, а понимать. Однако с пониманием – проблемы. Обсуждая те события, чаще говорят, что к 1914 году Россия набрала беспрецедентные темпы развития и вошла в один ряд с

наиболее развитыми державами мира, что она процветала.

Но с этим надо разобраться. Да, рост был. Росли производство зерна, добыча угля и нефти, выплавка чугуна и стали, протяженность железных дорог и банковский сектор – в основном стараниями западных компаний и банков, имевших на этом хороший рост своих доходов. Но при этом Россия, крупнейший в мире экспортёр зерна, производила его на душу населения вчетверо меньше Канады, втрое меньше Аргентины, и вдвое – США. Страна вывозила хлеб за счёт недоедания собственного населения! И темпы ухудшения жизни населения тоже были значительны.

Аналогичны парадоксы и по остальной статистике. Соединённым штатам Россия уступала по общей численности крупного рогатого скота, лошадей и свиней почти в 5 раз, по добыче угля более чем в 17 раз, нефти – втрое, стали – более чем в 7 раз, по протяженности железных дорог в 6 раз. Социальная система сохраняла архаические формы, а самое главное – огромными темпами рос разрыв в уровне доходов разных слоёв населения. Анализируя общественные процессы, надо прежде всего смотреть, соблюдается ли интерес большинства. А большинством было тогда крестьянство. Для него основным был вопрос о земле, на этом строились его представления о справедливости и переменах ради её достижения.

Крестьяне на собственной шкуре, вне пропаганды левых партий, испытывали всю нелогичность действий властей. Власть талдычила об идее частной собственности на землю, а для русского крестьянина основой всего его бытия был общинный надел.

Своим трудом крестьяне получают от земли урожай. Это – основа выживания. Помещичью землю брали в аренду, то есть платили паразиту-помещику, и крестьяне желали, чтобы паразита не было. Общинную землю постоянно делили, и обрабатывали каждый свою полосу. Разное качество земли приводило в поисках справедливости, к чересполосице. Проблем было много, их и надо было решать.

Земельный вопрос имеет два решения. Или делить землю и работать индивидуально, или работать совместно, а делить урожай. Позже большевики пошли по второму пути, создав колхозы. А в то время держались первого варианта. Столыпин, главный реформатор предреволюционной поры, предложил и ни то, и ни другое. Его реформа была в том, чтобы каждый крестьянин выкупал кусок общинной земли в собственность.

В молодости, будучи предводителем дворянства Ковенской губернии, он часто ездил в соседнюю Пруссию, и наблюдал там успехи хуторской системы хозяйствования. Вот и решил перенести этот опыт в наши, совсем другие условия, забыв спросить, что об этом думают наши крестьяне.

Чисто умозрительно он решил, что в результате его земельной реформы из толщи косных крестьян выделятся трезвые и сильные, и возникнет слой крепких хозяев, которые станут опорой режима. А добился лишь того, что из общин вышли в основном пьяные и слабые, для которых надел давно перестал быть источником существования. Они подрабатывали то тут, то там, и не были способны к созиданию.

Вот статистика. Из 15 млн крестьянских дворов из общины вышло около четверти, но им принадлежало лишь 16% наделной земли. 40% этой земли они сразу продали. Только 2,5 млн. хозяев взяли наделы в собственность. Но и этот процесс бесконечно порождал проблемы! Раньше передел земли в общине происходил раз в 12 лет, и то возникали трения. Теперь передел производили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделиться на хутор или уехать. А это означало передвижку всех крестьянских земель в деревне. Кроме того, новые собственники оказывались посередине общинных земель. Крестьяне не считали это справедливым!

А между тем, губернаторы соревновались за процент «выделившихся», и принуждали общинников к разрушению привычного уклада силой. В бесконечные скандалы оказались втянуты миллионы человек. Они не желали подчиняться, а власть

применяла насилие.

1102 человека были повешены по приговорам военно-полевых судов, до 3000 – по приговору военно-окружных судов; неведомо сколько тысяч расстреляли без всяких судов, 23 тысячи крестьян отправились на каторгу и в тюрьмы; 39 тысяч выслали без суда; сотни тысяч подвергли обыскам и арестам. Всё это вызывало только ненависть.

Не меньшие проблемы были в промышленности. Рабочий класс эксплуатировали нещадно. Некоторые любители царской старины доказывают, что рабочие получали очень хорошую зарплату – забывая добавить, что таких, высококвалифицированных рабочих были доли процента от общего их количества. Остальным за весьма умеренную плату приходилось работать по 12-14 часов. Лозунгом дня стало «Даёшь 8-часовой рабочий день». К этим требованиям власть не прислушивалась. В итоге в 1913 и в 1914 годах рабочий класс дал намного больше политических стачечников, чем даже в бурном 1905-м, и больше, чем в какой-либо другой стране мира.

Третьей проблемой была война. Массовые мобилизации, ухудшение социально-экономического положения в тылу и отвратительное снабжение фронта оружием, боеприпасами, продовольствием; перенос боевых действий на российскую территорию – всё это ускорило рост антиправительственных настроений.

О характере войны как империалистической и несправедливой, солдатская масса – по своему составу те же рабочие и крестьяне – тоже узнавала не от революционных агитаторов. Люди и сами многое понимают. Мало того, что они видели войну. Солдаты получали месячные отпуска с фронта для устройства домашних дел и для участия в полевых работах, и видели, что творится в тылу:

роскошь и мотовство паразитов, беспросветную нужду трудящихся, особенно солдатских семей. Отсюда – лозунг покончить с войной и покарать её зачинщиков.

Эти три основные беды: земельный вопрос, нещадная эксплуатация и война прямо вели к восстанию. Об этом прекрасно знали все и снизу, и сверху. В апреле 1914 года депутат Думы граф Мусин-Пушкин делился своими наблюдениями с наместником на Кавказе, графом Воронцовым-Дашковым: «Революции никто не хочет, и все её боятся... Но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком».

Последний царский министр внутренних дел Александр Дмитриевич Протопопов так описывал положение в стране к началу 1917 года: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны – на громадную убыль... Пути сообщения в полном расстройстве... Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность... Города голодали, торговля постоянно под страхом реквизиций... Товара было мало, цены росли... Искусство, литература, учёный труд были под гнётом... Начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было».

Теперь посмотрим на эволюцию политических структур того времени. Оказывается, она шла в точности справа налево, и по сути, страна перебирала варианты в поисках того, который устроил бы её с точки зрения трёх названных проблем.

На первом этапе царской властной верхушки – назовём их «консерваторы», противостояли оппозиционеры буржуазного толка («либералы»). Они предполагали преодолеть властный кризис через дворцовый переворот, не помышляя об отказе от монархии. Одновременно с ними выдвинулись более радикальные социалисты («демократы»), возродившие Советы рабочих и прочих депутатов, придумку 1905 года.

Можно сказать, действовал закон природы: если люди существующего правящего слоя не справлялись со своим делом, то

народ выдвигал из своей толщи новых людей, которые и составляли новый правящий слой. Но кто осуществит чаяния народа? Это было не очевидно.

В начале марта Временный комитет, состоявший из думских деятелей-либералов, брал власть де-юре: 2 марта, когда Николай отрёкся от престола, было образовано первое Временное правительство, состоящее из октябристов и кадетов. В качестве ответной меры Петросовет назначил своих комиссаров в районах Петрограда, то есть этот орган захватывал власть де-факто.

Катастрофа – распад старого государства – уже произошла, но нового ещё не возникло. Этап подбора системы управления и, главное, идеологии, только начался. Процесс был неуправляем, его участникам приходилось следовать за событиями; что-либо возглавлять было невозможно.

Либеральное Временное правительство кризиса не преодолело, а оказалось загнанным в ещё худшее положение, чем незадолго до этого царь. Почему? А потому, что они не делали того, чего требовала страна: не прекращали войну, не вводили 8-и часовой рабочий день, не решали земельный вопрос. Интересно, что логика событий в силу неуправляемости процесса, привела к тому, что якобы «возглавившие» революцию либералы ликвидировали монархию, хотя это было не в их в планах, а в планах демократов, в той части, которую уместно назвать социалистами!

В апреле 1917-го во Временное правительство вошли некоторые демократы, в частности трудовик Керенский. Затем правительство покинули Милюков и Гучков, а к Керенскому добавились эсеры и меньшевики. Власть оказалась в руках демократов и социалистов полностью: они руководили работой и Временного правительства, и Советов. И в том же апреле РСДРП, состоявшая из фракций меньшевиков и большевиков, разделилась на две партии. До сих пор большевики себя не проявляли, а Ленина вообще не было в стране.

В июне Всероссийский съезд Советов санкционировал наступление на фронте. То есть вопрос о мире не желали решать ни либералы, ни демократы. Точно так же был отложен земельный вопрос: на национализацию земли правительство не шло, поскольку половина земель уже была заложена, и национализация разорила бы банки. Учитывались интересы банкиров и земельных спекулянтов, но не крестьян.

Но никакие меры: ни подавление демонстраций, ни закрытие левой прессы, ни учреждение продотрядов, ни введение смертной казни на фронте не привели ни к чему, кроме роста ожесточения в народе.

Неудачный корниловский мятеж ещё больше поднял авторитет большевиков, поскольку именно они организовали подавление корниловщины. Усилился их контроль над Советами. Так начался переход на следующий уровень, появились «новые демократы»: ими стали большевики.

Либералы накануне октября 1917-го на секретном совещании в ставке утвердили план военного переворота, направленного против всех демократов. Началась переброска с фронта войск к крупным городам. И лишь вслед за этим, 10 и 16 октября вопрос о вооружённом восстании рассмотрел и принял также ЦК партии большевиков. В ночь на 25 октября вооружённое восстание произошло. Власть получили Советы.

Как во всех предыдущих случаях партии – на этот раз партии социалистов – разделились. На сторонников Учредительного собрания (меньшевики из числа социал-демократов и правые эсеры), и сторонников власти Советов (большевики из тех же социал-демократов и левые эсеры).

К середине 1918 года большевики с левыми эсерами разошлись; правительство стало однопартийным. Но процесс подбора вариантов развития и процесс деления на политические части не закончился! Изрядная часть членов большевистской элиты шла в революцию не ради родной страны, а ради мировой пролетарской

революции: этих любителей схем и моделей не интересовали ни земельный вопрос, ни индустриализация. Если бы они победили, Россия пришла бы к очередной неустойчивости, ведь государство, основанное на действиях во внешнем мире, потеряло бы способность синхронизировать дела внутри страны.

Но и некоторые из тех, кто соглашался с возможностью строительства социализма в одной стране, тоже грезили о мировой революции, плацдармом которой должна стать Россия, а дальше развитие пойдёт по Марксу и всем будет хорошо. Вожди этого направления тоже предпочитали схемы, модели и галлюцинации, и хотя они были другими, от этого предлагаемый путь не становился менее тупиковым.

К счастью, среди лидеров этого направления оказались люди, умеющие здраво оценивать ситуацию, а не следовать теоретическим догмам. Так, Сталин в ходе полемики с Троцким говорил: «Надо откинуть устаревшее представление, что Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Сначала центристы и правые большевики победили левых большевиков. Затем уже правые обвинили Сталина в подавлении внутрипартийной демократии, продолжая ставить партизиозность выше государственности, а догму выше интересов страны.

Как видим подборка идеи развития, которая обеспечила бы интерес России, шла через такую же партийную борьбу, что и на протяжении всего 1917 года, только формально в рамках одной партии.

Главная задача государства – организовать труд своих граждан, синхронизируя интересы разных социальных групп ради неких общих целей. Товарища Сталина можно любить или ненавидеть, это дело личное. Но факт, что

товарищ Сталин, став руководителем государства, эту главную задачу решил. Разгромив все оппозиции и начав с 1929-го выполнение плана быстрой индустриализации, он к 1941 году поднял уровень ВВП во многие разы – даже и не вспоминая о взлёте образования, науки, здравоохранения. Сейчас весь этот опыт: и подбора вариантов развития, и решения основной задачи мог бы быть полезным. Надеюсь, однажды он окажется востребованным.

В обсуждении доклада и содоклада приняли участие члены и гости клуба: **И.Н.Шумейко, В.Ю.Воронин, Я.А.Кеслер, Е.О.Шабаетв.**

Писатель, профессор Академии геополитических проблем, член редакционной коллегии журнала «Мужская работа», член Союза журналистов России, член Союза журналистов Москвы **Игорь Николаевич Шумейко**: Сегодня мы услышали доклады, принципиально отличающиеся друг от друга. Когда выступал Александр Закатов, было очевидно, что он излагает позицию института – Императорского дома. Я давний биограф рода Галицыных. И хочу сказать, что это высокоталантливый род, опора трона. Например, в Бородинском сражении участвовали 20 Галицыных, погибло двое. А среди декабристов был только один, Валерьян. И абсурдное исключение – последний премьер Николай Дмитриевич Галицын. Наш монарх из всего рода Голицыных выбрал средненького губернатора, друга императрицы по комитету помощи военнопленным. И этот пример может послужить лакмусовой бумажкой.

А.Н. Закатов: Да, я излагал позицию Императорского дома. Но здесь все высказывали свою точку зрения под своим углом. Например, была приведена цитата Черчилля о России, но не было его цитаты о Николае Втором. А Черчилль писал, что все успехи в военных делах и внутренней политике – заслуга императора. Я

монархист, но я говорил с большой долей свободы. Я выступал как историк в русле монархических идей.

Кандидат технических наук, генеральный директор ООО «ВПК», председатель Купеческого собрания России **Валерий Юрьевич Воронин** отметил, что докладчики так и не называли основным причины Февральской революции и вспомнил слова Пушкина в его письме к Чаадаеву. Поэт говорил, что хоть его очень многое в российской жизни огорчает и даже оскорбляет, он ни за что на свете не хотел бы поменять Отечество и иметь другой истории и наших предков, какой послал нам Бог. «Я хотел бы поговорить о духовных причинах, откатать историю на несколько веков назад и указать причины, реперные точки, от которых берет начало революция. Это идет с Никоновского раскола. Когда в русское религиозное самосознание был вбит большой клин, который положил начало религиозному разделу на старообрядцев и обновленцев. И эта смута росла. Следующий больший клин сделал Петр Первый. Он своим указом упразднил патриаршество на Руси. Это был очень серьезный удар по религиозному и государственному сознанию всех слоев общества, начиная от элит до крестьян. И ни один государь из Дома Романовых не поднял этот вопрос. Был Синод, который управлялся государями. Можно о многих причинах говорить, но я считаю, что одна из основных причин – ослабление религиозного сознания населения. Когда праздновали 300-летие дома Романовых в Костроме, государь плыл по реке, а люди шли в воду и плыли за его кораблем. То есть накануне революции для простых людей слова: «За веру, царя и Отечество!» не были пустыми. Но за три года произошло полное разложение. Первая мировая война усугубила и ускорила Февральскую революцию. Февраль 1917 года был неизбежен, потому что постулат веры был погран, царя убрали. Осталось только Отечество, но его каждый понимал по-своему. Белые по-своему, красные по-своему. А кто выиграл от Февральской революции и от Октябрьской? Как ни странно, выиграла РПЦ, потому что был возвращено патриаршество», – резюмировал **В.Ю. Воронин**.

Свое мнение высказал и историк, писатель, доктор химических наук, профессор, академик Академии прогнозирования, член Союза журналистов Москвы **Ярослав Аркадьевич Кеслер**: Я продолжу тему, которую затронул предыдущий оратор. На формуле – за веру, царя и Отечество – держалась вся монархическая конструкция. Веру стали разрушать гораздо раньше, чем начались покушения на императора. Петр отодвинул церковную власть от светской власти. Патриаршество восстановили, пришедшие к власти большевики. А товарищ Сталин в своей речи использовал такие слова: «Братья и сестры, пусть осеняет вас...» Что такое осеняет? Это богословский термин. А в 1905 году был бунт. После его подавления пришло осмысление. Начались послабления и манифесты. В 1910-1913 годах начался на рост экспорта зерна, Россия стала переходить на купеческий, торговый рынок. Но противоречия в производственных отношениях накапливались во время кризиса веры. Например, Лев Кассиль писал, как глумились над императором. Да, Николай Второй был не самым сильным царем, но он был очень набожным. А в народе стержня веры не стало. Стали появляться лжепророки и в этой ситуации созревала почва для подрыва государства.

Политолог, председатель Антифашистского Совета, первый секретарь Общероссийской общественной организации «Поколение победы» **Евгений Олегович Шабает** считает, что в Феврале 1917 года произошел слом не только в вере, царе, Отечестве. «Были сломаны

национальные интересы, которые спланивали нашу нацию веками. Русское государство объединяло не только христиан, но и мусульман, буддистов и других. И все они, независимо от национальности и веры, шли воевать за русское государство.

При анализе причин развала России мы приходим к тому, что белый проект к сентябрю 1917 года развалил Россию. Откололась

Финляндия, Польша, Закавказье, начались проблемы со Средней Азией. А красный проект развалил Советский союз. Кто больше всех страдал? Русские как национально образующее звено».

На заседании состоялась также презентация очередного номера журнала Международной Славянской Академии «Славяне» (№4, зима 2016/17 гг.) и первого номера научного журнала «Актуальные проблемы МГП и СМИ», который представил собравшимся главный редактор издания, член Исторического клуба, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента, рекламы и связей с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета, член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы **Андрей Валерьевич Козлов**.

Участники заседания поздравили члена Исторического клуба **И.Н.Шумейко** с 60-летием. **В.И.Черемухин** вручил юбиляру Международную пресс-карту СЖМ и Диплом Союза журналистов Москвы за плодотворный вклад в развитие отечественной журналистики.

В заключение встречи **В.И. Черемухин** поблагодарил всех

выступавших за интересные доклады, сообщения, вопросы и ремарки, прозвучавшие в ходе острополемичной дискуссии по 100-летию Февральской революции, а также проинформировал членов и гостей клуба о том, что двадцать пятое заседание Исторического клуба «Моё Отечество» при Союзе журналистов Москвы состоится 16 марта 2017 года по теме: «Холодные» войны против России в XIX и XXI веках: исторические предпосылки и информационно-психологические аспекты».

*Отчет о двадцать четвертом заседании клуба «Моё Отечество»
подготовила **Ольга Вандышева**.
Фото **Светланы Яковлевой**.*